

Несомненно, «бестрепетность» Белого усиливается эсхатологическим духом времени, а еще более — необходимостью нравственно-философского оправдания своего гражданского выбора. Но поиск «нового миросозерцания» изначально обусловлен задачами эстетико-философскими, острым интересом к «недрам» личности и к «стихийной душе», поиском средств обновления культуры. Проблема «нового миросозерцания» тесно связана с размышлениями Андрея Белого о «кризисе культуры» и «кризисе гуманизма».

Последние две темы весьма значимы для отечественного литературно-философского процесса 1910-х годов; трагическая эмпирика первой мировой войны и необходимость ее осмысления дополнительно актуализируют их. И почти у всех мыслителей обращение к вопросу о кризисе гуманизма приводит за собою вопрос о христианстве. Но решается он по-разному.

С. Н. Булгаков в статье «Человечность против человекобожия» (1917) и Н. А. Бердяев в ряде статей 1917—1922 гг. пишут о том, что трагическая данность, увиденная в недрах личности и проявившаяся в исторической жизни в пору первой мировой войны, может быть осмыслена и духовно преодолена лишь при свете христианского миропонимания. Для Андрея Белого и еще в большей мере для А. А. Блока (статья «Крушение гуманизма», 1919) трагическая данность ставит под сомнение сами этические нормы, само христианское миропонимание, правоту и полноту тех норм, которыми руководствовало человечество. Под бременем данности художники-романтики близятся к философскому отчаянию.

«Струей мусийской истек живоносный источник из первого века; его отложения суть государство и церковь: — он сам отложился „культурой“» [24, с. 30], — пишет Белый в те же годы в книге «Кризис культуры», отмечая далее, что к началу XX в. живоносный источник почти иссяк и одна из главных тому причин — постепенное вырождение нравственности в свод моральных норм, утерявших свою органику, превратившихся в свод запретов. Подлинный же дух Христа перешел «не в явную церковь, но в тайную, сокровенную церковь, которой нескрытое имя — „культура“; официальное христианство вступает в борьбу с тайно выписанной христовской свободой: с „христовством“ культуры» [24, с. 22].

В некоторых эссе 1916—1918 гг. Белый близится к мысли: в ужасах первой мировой войны, в изменении атмосферы частной жизни, в распаде традиционного быта и крушении системы ценностей виновны именно «моралисты» с их «кантовским кнутом „императива морали“» [25, с. 33]. «...Разделение на добро и зло не отменяет нам зла; убежанье от зла выглядывает перегорожкой внутри человека» [26, с. 195], — утверждает поэт.

Попыткой начать восхождение к новой культуре Белый называет творчество Фридриха Ницше, который жертвенно «взорвал в себе „доброе“», ибо «добрые не могут созидать: они... начало конца: взорвал человека в себе» [24, с. 10]. Аналогичной попыткой «взорвать в себе доброе», выйти из рамок традиционных норм и ценностей во имя созидания нового мира, а еще в большей мере новой культуры — представляется творческое поведение Андрея Белого в пору революции, в период сближения со «скифами».

Белый видел и внутреннюю опасность этого пути, в частности, говоря о Ницше, отмечал: в позднем своем творчестве философ «отвергнув „каркасы“, отверг и „иконы“» [24, с. 83], последние его книги выявили «из статуи Сверхчеловека — Антихриста...» [24, с. 85]. Но и сам Белый на краткий период «дионисического» восприятия русской революции, в попытке «расширить представления о мире» впадает в то же трагическое заблуждение...

Сколь значимо влияние «скифской» идеологии, в частности проблемы христианства и «нового миросозерцания», для творчества А. А. Блока 1917—1919 гг.? Вопрос о вине перед народом, путях и цене ее искуп-